

М. С. АЛЬПЕРОВИЧ

ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

Проблема влияния войны за независимость английских колоний в Северной Америке на американские владения Испании представляет особый интерес. Прежде всего, колониальный статус и географическая близость испанских владений обусловили самое непосредственное воздействие на них бурных событий 1775—1783 гг. в Северной Америке. В то же время испаноамериканское освободительное движение, усилившееся в связи с этими событиями, было направлено против союзницы восставших английских колоний — Испании и в ряде случаев ориентировалось на поддержку со стороны Англии, с которой вели ожесточенную борьбу североамericанцы. Таким образом, возникла крайне сложная ситуация, когда испанская монархия, оказывая с целью ослабления британской соперницы военную и дипломатическую помощь ее мятежным колониям, тем самым косвенно способствовала росту революционных тенденций в собственной колониальной империи, а Англия, пытаясь (хотя и тщетно) сохранить свое господство в Северной Америке, вместе с тем предпринимала действия, подрывавшие устои колониализма в Западном полушарии.

Территориальная близость и хозяйственные потребности английских и испанских колоний способствовали развитию торговых отношений между ними. Формально такая торговля не разрешалась обеими колониальными державами. Но объективные условия (полная неспособность отсталой испанской экономики удовлетворять растущие запросы колоний и заинтересованность североамериканских купцов во внешних рынках) приводили к постоянным нарушениям официальных запретов и обусловили неуклонный рост контрабандной торговли. Кроме того, в отдельные периоды Англия и Испания по тем или иным причинам сами оказывались вынужденными в порядке исключения временно допускать некоторые послабления, несколько смягчая обычно строгий режим, призванный обеспечить полную изоляцию их американских владений от внешнего мира.

Так, во время войны за испанское наследство (1701—1714 гг.) британское правительство, стремясь подорвать торговую монополию Испании, в 1704 г. разрешило колонистам Массачусетса, Нью-Гэмпшира, Нью-Джерси, Нью-Йорка, Коннектикута, Род-Айленда и Ямайки торговать с Испанской Америкой¹. По Уtrechtскому мирному договору 1713 г. Англия получила исключительное право ввоза в американские колонии Испании негров-рабов из Африки. Не удовлетворяясь этим, британские купцы и пираты систематически вели контрабандную торговлю с испанскими

¹ H. Bergnstein. Origins of Inter-American Interest 1700—1812. Philadelphia, 1945, p. 9.

владениями в Вест-Индии и на Карибском побережье. Немалая часть ее приходилась на долю 13 североамериканских колоний.

Специальное значение имели торговые связи между английскими колониями в «шнёмчуиной Антилл» — Кубой. Хотя с последней торговали также и англичане, близкое расстояние позволяло купцам Северной Америки успешно конкурировать с ними. Экономические отношения Кубы с Англией и ее американскими владениями заметно оживились после захвата Гаваны английскими войсками (12 августа 1762 г.). В результате введения британским командованием свободы торговли с Англией и ее колониями за 11 месяцев оккупации в гаванском порту побывало около тысячи торговых судов, в том числе много североамериканских и английских, тогда как до этого в Гаване за год бросало якорь в среднем по 5—6 судов с товарами².

Правда, с возвращением Кубы под власть Испании в июле 1763 г. товарооборот значительно сократился (с 1769 по 1771 г. Гавану посетили всего 202 судна, а вышли из порта 277 судов)³. Тем не менее мадридское правительство оказалось не в состоянии полностью восстановить прежнюю систему запретов и ограничений. Оно вынуждено было пойти на некоторую либерализацию торгового режима Кубы и других американских колоний. Разумеется, продолжала процветать и контрабандная торговля, в которой немалую роль по-прежнему играли североамериканцы.

Испанская Америка, где нарастала вооруженная борьба против колонизаторов, где получили известное распространение идеи европейского Просвещения и проявились сепаратистские тенденции, была в какой-то мере психологически подготовлена к революции, начавшейся в середине 70-х годов в Северной Америке. Однако двойственная и противоречивая позиция Испании, которая, оказывая с целью ослабления Англии военную и финансовую помощь ее восставшим колониям, вместе с тем уклонялась от официального признания их независимости⁴, чрезвычайно осложнила ситуацию.

Вскоре после начала вооруженной борьбы против английских колонизаторов североамериканские колонии обратились за содействием к властям Луизианы. В апреле 1776 г. несколько судов повстанцев, преследуемых англичанами, вошли в порт Нового Орлеана. По ходатайству влиятельного филадельфийского купца Оливера Поллока, обосновавшегося в Новом Орлеане, губернатор Луис де Унсага предоставил им убежище⁵. В августе того же года в Новый Орлеан прибыл с севера, спустившись вниз по Миссисипи, капитан Джордж Гибсон из Виргинии, в сопровождении лейтенанта Уильяма Линна и полутора десятка солдат. Гибсон вручил Унсаге послания виргинского губернатора Патрика Генри и генерала Чарлза Ли — одного из помощников Вашингтона, содержавшие просьбу срочно направить восставшим оружие, боеприпасы и медикаменты. Североамериканцы, со своей стороны, предлагали вести регулярную торговлю с колониями Испании. Ли указывал, что испанская монархия заинтересована в победе английских колонистов, так как тогда по соседству с ее владениями появится дружественное государство; в случае же по-

² H. Portell Vilá. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España, t. I. La Habana, 1938, p. 34—35, 59.

³ R. T. El y. Cuando reinaba su majestad el azúcar. Buenos Aires, 1963, p. 50.

⁴ Не желая упустить возможность добиться уступок от Англии, мадридское правительство вместе с тем рассматривало борьбу английских колоний против метрополии и перспективу образования нового независимого государства по соседству с испанскими владениями как крайне опасный прецедент. В этих условиях испанская монархия видела свою основную задачу не в том, чтобы способствовать освобождению Северной Америки от британского ига, а в предохранении собственных колоний от революционизирующего влияния североамериканской независимости.— К. Т. Аббеу. La influencia del movimiento de independencia norteamericana sobre la política colonial española.— «II Congreso internacional de Historia de América», t. II. Buenos Aires, 1938, p. 9—10.

⁵ H. Portell Vilá. Op. cit., p. 75—76.

ражения североамериканских колоний Англия при первой возможности захватит Кубу и Новую Испанию. Он обещал, что, как только англичане будут изгнаны из Флориды, последняя перейдет обратно к Испании⁶.

Учитывая формальный нейтралитет мадридского правительства и желая вместе с тем оказать просимую помощь, Унсага принял соломоново решение: приказал арестовать Гибсона, но одновременно велел выдать его спутнику Линцу со склада 9 тыс. фунтов пороха, разрешив ему со своими солдатами и грузом покинуть порт и отправиться вверх по реке. В ответном письме генералу Ли (сентябрь 1776 г.) губернатор заверял в личных симпатиях делу восставших колоний и выражал готовность помочь им⁷.

Снабжение североамериканцев вооружением и провиантом приобрело широкий размах при преемнике Унсаги молодом Бернардо де Гальвесе. Этому способствовали принятые испанскими властями меры, создававшие легальную или, во всяком случае, полулегальную основу для подобных операций. В сентябре 1776 г. во все порты Испании и Испанской Америки были направлены секретные распоряжения допускать североамериканских каперов с захваченными ими трофеинными судами⁸. Королевский указ от 5 ноября того же года разрешал кораблям 13 колоний, плававшим под собственным флагом, заходить в испаноамериканские порты для пополнения запасов воды и продовольствия. 24 декабря 1776 г. мадридское правительство предписало губернатору Луизианы всячески поощрять намерения генерала Ли и поставлять повстанцам оружие, боеприпасы, обмундирование, медикаменты, которые обещало доставить для этой цели с Кубы⁹.

Гальвес (приступивший к исполнению обязанностей губернатора 1 февраля 1777 г.) толковал эти инструкции весьма широко. Новый Орлеан был практически открыт для свободной торговли с колонистами. В апреле 1777 г. здесь были задержаны 11 английских судов, перевозивших контрабанду, а британским подданным предложено в двухнедельный срок покинуть пределы Луизианы. Зато на ее территории находили убежище спасавшиеся от англичан беженцы с восточного берега Миссисипи. Из Нового Орлеана довольно регулярно шли в североамериканские колонии поставки вооружения и продуктов питания. Их закупали и отправляли по назначению, при содействии губернатора, Поллок и другие филадельфийские, нью-йоркские, бостонские купцы, проявлявшие кипучую энергию и предприимчивость.

Чтобы замаскировать участие испанских властей в снабжении колонистов, была создана фиктивная торговая фирма, представитель которой гаванский коммерсант Мигель Эдуардо доставил груз с Кубы в Новый Орлеан. Когда он прибыл, местная администрация заявила, будто товары попортились в пути, и распорядилась пустить их в продажу с торгов. Скупленные по дешевке через подставных лиц, они были размещены на одном из казенных складов, откуда их в дальнейшем тайно вывез Поллок¹⁰.

⁶ Ibid., p. 76—77; K. T. A b b e y. Op. cit., p. 12; C. M. F e r n a n d e z - S h a w. *Presencia española en los Estados Unidos*. Madrid, 1972, p. 39. В декабре 1775 г. II Континентальный конгресс заявил, что, если Испания поддержит колонистов, последние, в свою очередь, готовы помочь ей вернуть Пенсаколу.— Г. А п т е к е р. Американская революция 1763—1783. М., 1962, стр. 240. Однако, по мнению некоторых авторов, североамериканцы в то время всерьез не помышляли об освобождении Флориды от англичан.— K. T. A b b e y. Op. cit., p. 12.

⁷ Порох из Луизианы был доставлен в Форт-Питт и очень пригодился при отражении английских атак. В октябре того же года Гибсона освободили и он выехал из Нового Орлеана, увезя с собой около тысячи фунтов пороха.— C. M. F e r n a n d e z - S h a w. Op. cit., p. 40.

⁸ S. F. B e m i s. *The Diplomacy of the American Revolution*. Bloomington, 1957, p. 54.

⁹ H. P o r t e l l V i l á. Op. cit., p. 76; C. M. F e r n a n d e z - S h a w. Op. cit., p. 40.

¹⁰ K. T. A b b e y. Op. cit., p. 12—13.

Североамериканские патриоты проявляли большой интерес к развитию экономических связей с Луизианой. Об этом свидетельствует, в частности, переписка Патрика Генри с Гальвесом по поводу возможности ведения торговли по Миссисипи ¹¹. В июне 1777 г. Поллок стал торговым агентом Соединенных Штатов в Новом Орлеане. В августе того же года Гальвес уведомил Континентальный конгресс о прибытии в луизианскую столицу груза боеприпасов из Испании, предназначенных для повстанцев. Чтобы принять его, был послан отряд во главе с капитаном Джеймсом Уилингом. Помимо боеприпасов Гальвес предоставил Поллоку заем в сумме 74 тыс. долл. ¹².

Поставки из Луизианы (они поступали туда главным образом с Кубы), осуществлявшиеся за счет личных средств Поллока и его компаний, субсидий луизианских и кубинских властей, а также денежных пожертвований состоятельных креолов, играли большую роль в удовлетворении военных нужд США.

Мадридское правительство, будучи крайне заинтересовано в получении информации о положении в Северной Америке, дало соответствующие инструкции колониальной администрации. В 1777 г. генерал-капитан Кубы маркиз де ла Торре направил тайных агентов во Флориду, на Ямайку и в Порт-о-Пренс (Гаити), куда часто заходили североамериканские торговые суда. Особое значение он придавал миссии Хосе Элихио де ла Пуэнте, которому было поручено обосноваться в Сент-Огастине и собирать данные об английских войсках, находившихся во Флориде, организовать проживавших там испанцев, установить связь с патриотами Джорджии, Северной и Южной Каролины. Однако деятельность этой агентуры оказалась безрезультатной ¹³.

26 августа 1777 г. министр по делам Индий Хосе де Гальвес предложил де ла Торре послать в Северную Америку двух наблюдателей: один из них должен был находиться на главном театре военных действий, чтобы следить за их ходом, другой — в месте пребывания Континентального конгресса. Второе задание было возложено на 60-летнего гаванского негоцианта и работоторговца Хуана де Миральеса, который 31 декабря отплыл из Гаваны якобы в Кадис, но уже 9 января 1778 г. высадился... в Чарлстоне ¹⁴. Имея формально статус наблюдателя, кубинец с самого начала фактически выполнял более широкие функции. Он вскоре установил контакты с некоторыми членами конгресса и офицерами североамериканской армии. 13 февраля Миральес запросил в Мадриде верительные грамоты для аккредитации при конгрессе и ставке главнокомандующего Вашингтона, а также высказал мнение, что Испания следует объявить войну Англии, захватить Флориду и Ямайку. Из Чарлстона он выехал в Виргинию, где встретился с Патриком Генри, вручившим ему 28 мая детально разработанный план совместной операции (проводимой войсками, переброшенными с Кубы, из Джорджии и Южной Каролины) возврата испанцам Мобила, Пенсаколы и Сент-Огастина ¹⁵.

В начале июля 1778 г. Миральес, имея уже при себе письма нового генерал-капитана Кубы маршала Наварро, в которых тот подтверждал его полномочия как своего представителя, приехал в Филадельфию. Он завязал и регулярно поддерживал отношения с руководителями конгресса, систематически получал от них нужную ему информацию военного и

¹¹ A. P. Whitaker. *The Spanish-American Frontier: 1783—1795*. Lincoln 1969, p. 7.

¹² S. F. Bemis. Op. cit., p. 90; C. M. Fernández-Shaw. Op. cit., p. 331—332.

¹³ H. Portell Vilá. Op. cit., p. 78—79.

¹⁴ Согласно официальной испанской версии, «неожиданное» появление Миральеса в столице Южной Каролины объяснялось тем, что бриг, на борту которого он следовал, будто бы под влиянием ветров и морских течений вынужден был уклониться от заданного курса.— S. F. Bemis. Op. cit., p. 88—89.

¹⁵ H. Portell Vilá. Op. cit., p. 79—81.

политического характера. 31 декабря состоялась его встреча с Вашингтоном, в дальнейшем он посетил штаб главнокомандующего¹⁶.

Хотя миссия Миральеса была задумана как акция, призванная служить интересам испанской короны, фактически он представлял креольскую элиту, страдавшую в условиях колониального режима от произвола и дискриминации. Выражая настроения этих кругов, Миральес испытывал явные симпатии к борьбе английских колоний. Он с восторгом и энтузиазмом сообщал об их боевых успехах, не скрывал своего восхищения идеями североамериканской революции и деятельностью Вашингтона, без конца слал портреты последнего генерал-капитану, другим видным чиновникам в Гаване и даже министру по делам Индии Гальвесу.

Миральес сыграл немалую роль в развитии торговых связей между Соединенными Штатами и Кубой, чему благоприятствовали дальнейшие вынужденные меры испанских властей по либерализации режима испаноамериканской торговли, прежде всего указ 12 октября 1778 г., отменявший ряд запретов и ограничений¹⁷. Миральес совместно с богатым пенсильванским купцом, судовладельцем и банкиром Робертом Моррисом фрахтовал и отправлял на Кубу суда, доставлявшие туда муку, рис, масло, солонину, соленую рыбу, смолу, строевой лес. Обратным рейсом они везли сахар, кожи, кофе, мед, водку. Купеческие фирмы Новой Англии, Филадельфии, Нью-Йорка для ведения коммерческих операций держали в кубинской столице постоянных представителей. Одним из них был посланный Моррисом Роберт Смит из Балтимора — в прошлом офицер армии Вашингтона. Поллок имел в Гаване компаньона-кубинца Херонимо Лачапелья, и принадлежавшее ему судно «Западная Флорида» без помех курсировало между портами Кубы, Луизианы и Соединенных Штатов. Известное представление о масштабах кубино-американской торговли дает тот факт, что только с 20 декабря 1780 г. по 31 января 1781 г. на остров прибыли шесть кораблей из США (в большинстве своем из Филадельфии), груженных продуктами питания, а доходы Кубы от таможенных сборов, составлявшие в 1779 г. 400 тыс. песо, к 1781—1782 гг. выросли почти вдвое¹⁸.

Таким образом, экономическим результатом миссии Миральеса явилось «открытие» Кубы для североамериканской торговли. 20 апреля 1781 г. власти Северной Каролины назначили Спайерса Синглтона торговым агентом в Гаване. Но Наварро отказался признать его полномочия. 27 июня Континентальный конгресс, по настоянию Морриса, утвердил Роберта Смита своим представителем на Кубе, вменив ему в обязанность оказывать содействие североамериканским купцам и в случае необходимости улаживать возможные трения между ними и испанской администрацией. Но последняя уклонилась от официального признания Смита в таком качестве¹⁹.

Развитие торговли между Соединенными Штатами и Испанской Америкой имело далеко идущие последствия, отнюдь не ограничивавшиеся только экономической сферой. Торговые связи стали важным каналом проникновения в испанские колонии известий о революционных событиях в Северной Америке, о военных успехах повстанцев и их победах над английскими войсками, мыслей, высказанных в Декларации независимости, в произведениях и выступлениях североамериканских идеологов. Правда, переводы этих материалов на испанский язык относятся преимущественно к более позднему времени. Но некоторые испаноамериканцы знакомились с ними в оригинале или по французскому переводу.

¹⁶ После смерти Миральеса (28 апреля 1780 г.) его преемником стал Франсиско Рендан, ранее состоявший при нем в качестве секретаря.— Н. Рортэль Вилья. Op. cit., p. 82, 90—91.

¹⁷ Указ был вызван тем, что Испания, не способная обеспечить американские колонии собственной продукцией, в обстановке начавшейся войны оказалась также не в состоянии покупать необходимые им товары в других странах.

¹⁸ Н. Рортэль Вилья. Op. cit., p. 94, 103.

¹⁹ Ibid., p. 87, 95; Н. Бернштейн. Op. cit., p. 35.

Между тем перелом в ходе боевых действий в пользу североамериканцев (после их победы при Саратоге), признание независимости США Францией и ее вступление в войну оказали влияние на Испанию. Боясь упустить возможность вернуть Флориду и другие владения, правительство Карла III стало готовиться к войне с Англией. Разорвав с ней 3 апреля 1779 г. дипломатические отношения, оно 18 мая отправило в Гавану, Новый Орлеан и Мехико приказ о подготовке к наступлению против англичан в Западной Флориде. 21 июня последовало официальное объявление войны и спустя месяц этот акт был обнародован в Гаване. Мотивируя свой шаг, король объяснял его исключительно необходимостью защиты интересов испанской короны от посягательств со стороны Англии, которая, нарушая существующие договоры, вынашивала, по его словам, планы захвата Луизианы, возводила укрепления вдоль Миссисипи, угрожала владениям Испании и т. д.

В Луизиане стало известно об объявлении войны Англии в начале августа 1779 г. 27 августа губернатор Гальвес во главе небольшого отряда (численность которого в пути возросла до 1500 человек) выступил из Нового Орлеана на север. Продвигаясь вдоль левого берега Миссисипи, он 6 сентября подошел к форту Манчак и на следующий день занял его. В октябре испанцы овладели фортом Батон-Руж, а затем Натчезом. В том же году испанские подразделения атаковали Белиз, разрушили его, а английских колонистов выселили.

Действуя в Западной Флориде, испанцы пытались побудить североамериканских патриотов одновременно послать свои отряды в Восточную Флориду, чтобы, изгнав оттуда англичан, передать ее Испании. Об этом еще в августе 1779 г. Наварро писал властям Южной Каролины, а Мильтес в обращении к Континентальному конгрессу от 24 ноября убеждал предпринять поход с целью занятия Сент-Огастина. В начале 1780 г. в Гаване появился подполковник Джон Тернант из Южной Каролины для уточнения деталей плана комбинированных операций во Флориде силами повстанцев и экспедиционных войск, присланных с Кубы. Однако Наварро, опасавшийся, видимо, что североамериканцы, оказавшись на территории Флориды, не захотят в дальнейшем уйти оттуда²⁰, умышленно затягивал переговоры. Тем временем отправленные с острова воинские части, в составе которых было немало ополченцев-кубинцев, в том числе свыше 300 негров и мулатов, высадились на побережье Западной Флориды и присоединились к войскам Гальвеса, осаждавшим Мобил²¹.

Получив подкрепления, испанцы 14 марта 1780 г. овладели этим фортом и стали продвигаться дальше на восток. Подойдя к Пенсаколе, они блокировали ее с суши и с моря. Осада продолжалась довольно долго и лишь после прибытия в апреле 1781 г. экспедиционного корпуса во главе с вновь назначенным губернатором Кубы маршалом Кастилем (кубинским креолом по происхождению) увенчалась успехом. 9 мая английский гарнизон капитулировал перед превосходящими силами противника (во взятии Пенсаколы участвовали 7-тысячная испанская армия, около 700 французов и некоторое число североамериканских патриотов).

6 мая 1782 г. испанская эскадра под командованием Кастиля и небольшая флотилия повстанцев Южной Каролины подошли к острову Нью-Провиденс, где находился одноименный город — административный центр Багамских островов (ныне г. Нассау). Англичане не смогли оказать серьез-

²⁰ По той же причине Гальвес отверг в свое время предложение о переброске североамериканских войск в Новый Орлеан для последующего наступления на Мобил и Пенсаколу, сделанное начальником Форт-Питта полковником Джорджем Морганом. — T. M. Green. *The Spanish Conspiracy*. Gloucester, 1967, p. 12.

²¹ Успехи, достигнутые Гальвесом в Западной Флориде, привели к тому, что кубинские власти отказались от прежней идеи совместных с североамериканцами действий во Флориде, и после смерти ее инициатора Мильтеса о ней совсем перестали вспоминать. — H. Portell Villa. Op. cit., p. 92—93; F. E. Chadwick. *The Relations of the United States and Spain. Diplomacy*. New York, 1968, p. 17.

ного сопротивления и по условиям капитуляции вынуждены были признать власть Испании над всем архипелагом.

Действия испанских войск в Карибском бассейне осуществлялись в значительной мере частями, базировавшимися или даже формировавшимися на Кубе и насчитывавшими в своих рядах много кубинских добровольцев и ополченцев, внесших таким образом свою лепту в освобождение английских колоний. Кроме того, купцы и судовладельцы Гаваны предоставили североамериканцам кредиты на крупные суммы, а женщины кубинской столицы в период подготовки операции под Йорктауном собрали и передали им 1 млн. дукатов²².

Революция в Северной Америке повлияла не только на те испанские владения, с которыми 13 английских колоний в силу географической близости и других обстоятельств были связаны более тесно, но и на остальные провинции обширной американской империи Испании. Это влияние проявилось в условиях острого революционного кризиса, разразившегося в Испанской Америке на рубеже 70—80-х годов XVIII в. Он был порожден многими причинами, действовавшими на протяжении длительного времени и приведшими к резкому обострению противоречий между Испанией и ее заморскими владениями²³. Но революционный взрыв, назревавший уже давно, не случайно произошел именно тогда, через несколько лет после начала вооруженной борьбы английских колоний. Война за независимость в Северной Америке явилась толчком, ускорившим восстание в Испанской Америке.

Отмечая, что испаноамериканское освободительное движение по уровню политической зрелости значительно уступало североамериканскому, аргентинский ученый Болеслао Левин вместе с тем указывает на некоторые аналогичные предпосылки и сходные черты того и другого, подчеркивает идеологическое влияние революции в Северной Америке на испанские колонии. «Мятежные креолы,— писал он,— испытывали прямое воздействие событий, происходивших в северной части континента... Революционный дух испанских колоний вдохновлялся североамериканским примером»²⁴.

Непосредственным поводом к массовым выступлениям начала 80-х годов послужило усиление налогового бремени и административной централизации, вызванное ростом военных расходов во второй половине 70-х годов в связи с финансовой поддержкой восставших английских колоний, подготовкой и началом войны с Англией. Еще в 1776 г. мадридское правительство распорядилось увеличить налоги с населения Испанской Америки. Но вследствие медлительности и неповоротливости колониального бюрократического аппарата, огромной протяженности испанских владений и слабого развития коммуникаций это распоряжение было выполнено далеко не сразу. Лишь после прибытия в Южную Америку в 1777—1778 гг. облеченные широкими полномочиями генеральных ревизоров, направленных для инспекции и наведения порядка в Перу, Новой Гранаде и на Рио-де-ла-Плате, фискальный механизм был соответствующим образом реорганизован и с 1779 г. стал функционировать на новой основе.

Однако момент был выбран крайне неудачно, так как в связи с революционными событиями в Северной Америке, обострением отношений, а затем войной между Испанией и Англией, ухудшением экономического положения среди населения испанских колоний и без того резко усилились недовольство и антииспанские настроения.

²² J. M. Pérez Sabogá. *Miranda en Cuba (1780—1783)*. La Habana, 1950, p. 16, 18.

²³ См. В. М. Мироновский. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.).—Л., 1946, стр. 69—78.

²⁴ B. Lewin. *Los movimientos de emancipación en Hispanoamérica y la Independencia de Estados Unidos*. Buenos Aires, 1952, p. 125—126.

Особой остроты они достигли в Перу, где генеральный ревизор Арече, бѣ удовлетворяясь значительным увеличением размеров таможенных пошлин и алькабалы²⁵, велел обложить подушной податью помимо индейцев также метисов, мулатов, самбо, ранее освобожденных от ее уплаты. По его приказу при взимании налогов применялись чрезвычайно жестокие методы.

Именно Перу явилось ареной самого значительного движения тех лет, охватившего в 1780—1782 гг. обширную территорию, простиравшуюся от древней инкской столицы Куско до лаплатской провинции Тукуман, т. е. юг нынешнего Перу, север и запад Боливии (тогда Верхнего Перу), северо-запад Аргентины. Его основные центры находились между Куско и Потоси. Наиболее крупное восстание, главной движущей силой которого являлись индейские массы, возглавил Хосе Габриэль Кондорканки, принявший имя последнего Инки — Тупак Амару. Оно началось 4 ноября 1780 г. в перуанской провинции Тинта, расположенной к югу от Куско. После поражения повстанческой армии и казни Тупака Амару (18 мая 1781 г.) эпицентр движения сместился на юго-восток, в район озера Титикака, а затем в Верхнее Перу, где борьба продолжалась до начала 1782 г. В кульмиационный период своего развития (1781 г.) восстание распространилось еще дальше на юг, вплоть до Жужуя, Сальты, Тукумана и других районов Рио-де-ла-Платы²⁶.

О масштабах этой грандиозной крестьянской войны дают представление огромные цифры людских и материальных потерь: по подсчетам современного исследователя, общее число убитых с обеих сторон составляло около 100 тыс., а расходы на подавление восстания превысили 2,5 млн. песо, что равнялось примерно сумме налогов, собиравшихся в вице-королевстве Перу за год²⁷.

Хотя некоторые авторы считают, что революция в Северной Америке «не оказала влияния на восстание Тупака Амару»²⁸, имеются веские доказательства такого влияния.

Так, в одной из листовок той эпохи содержалась прямая защита справедливого дела английских колоний: «Пусть Лондон говорит что угодно — будто это бесчестие или измена: но нет закона против разума»²⁹. В Ла-Пасе 4 марта 1780 г. появилась прокламация, содержавшая совершенно невероятный для Испанской Америки конца XVIII в. лозунг: «Долой короля Испании!»³⁰. Чтобы оценить небывалое политическое звучание подобного призыва, надо иметь в виду, что до тех пор участники революционных выступлений, отдавая дань привычному роялизму, обычно не отвергали (по крайней мере, открыто) монархический строй и внешне сохраняли лояльность по отношению к персоне монарха. Эта позиция выражалась обычно традиционной формулой: «Да здравствует король, долой дурное правительство!»³¹.

²⁵ Налог, взимавшийся с каждой торговой сделки, при совершении любого акта купли-продажи.

²⁶ О крестьянской войне 1780—1782 гг. в Южной Америке см.: B. Lewin. La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana, t. I—II. La Habana, 1972; его же. Los movimientos...; L. E. Fisher. The Last Inca Revolt 1780—1783. Norman, 1966; D. Valcárcel. La rebelión de Túpac Amaru. México — Buenos Aires, 1947; С. А. Созина. Великий индейский повстанец Тупак Амару. — «Новая и новейшая история», 1973, № 3, 4; Ю. А. Зубрицкий. Большое восстание. — «Перу. 150 лет независимости». М., 1971, стр. 29—55.

²⁷ O. Corbelit. Levantamientos de masas en Perú y Bolivia durante el siglo dieciocho. — «Revista latinoamericana de sociología», Buenos Aires, 1970, vol. VI, № 1, p. 100—101.

²⁸ L. E. Fisher. Op. cit., p. 50—51.

²⁹ B. Lewin. Los movimientos..., p. 151.

³⁰ Ibid., p. 144; L. E. Fisher. Op. cit., p. 282.

³¹ Несколько прочно укоренились в сознании населения испанских колоний подобные представления, видно, в частности, из того, что даже спустя три десятилетия, с началом войны за независимость, революционные правительственные хунты, пришедшие в 1810—1814 гг. к власти в Каракасе, Боготе, Ките, Буэнос-Айресе,

О том, что перуанские повстанцы были осведомлены о событиях в Северной Америке и вдохновлялись ими, свидетельствует яркий документ, обнаруженный в конце прошлого столетия в буэнос-айресском архиве. Речь идет о датированном 19 марта 1780 г. обращении восставших к членам кабильдо и всем жителям Ла-Паса с призывом последовать примеру «замечательных колонистов» Северной Америки, «без сомнения обязанных своим освобождением, успехом и счастьем нерушимому единству и союзу»³².

Незадолго до разгрома армии Тупака Амару испанскими карателями в северной части южноамериканского материка — Новой Гранаде, куда уже успели дойти слухи о событиях в Перу, вспыхнуло восстание «комунерос», продолжавшееся до конца 1781 г. Непосредственным поводом к нему явился произвол колониальной администрации, увеличившей налоги и повысившей цены на многие предметы первой необходимости. Волнения, начавшиеся в г. Сокорро, быстро распространились на соседние районы. Жители добивались упразднения налогов, отказывались подчиняться испанским чиновникам, громили помещения правительственные учреждений, казенные лавки и склады. Во второй половине апреля восставшие выступили в поход на новогранадскую столицу Боготу, причем по мере приближения к ней численность их росла за счет присоединения тысяч индейцев и негров. Встревоженные размахом и массовым характером движения, получившего тем временем резонанс в Венесуэле, Панаме, Кита, креольские руководители повстанческого комитета («коммуны») пошли на соглашение с властями и распустили свою армию. В результате их предательства войскам вице-короля удалось полностью овладеть положением³³.

Хотя ряд колумбийских историков видит в действиях новогранадских комунерос лишь неповинование приказам колониальной администрации, протест против ее злоупотреблений, стремление избавиться от непосильного налогового бремени, по мнению авторов многих исторических исследований, основанных на тщательном анализе документов, они ставили перед собой гораздо более серьезные задачи. С. А. Гонионский писал в этой связи, что «главной целью восстания было завоевание независимости. Началось оно с требования отменить ненавистные налоги, но вскоре ... переросло в движение за отделение от Испании»³⁴. В пользу такого вывода свидетельствуют, в частности, некоторые факты, показывающие наличие (как и в Перу) антиroyалистских тенденций. Например, жители новогранадского селения Силос, собравшись 14 июня 1781 г. на площади, громко скандировали: «Да здравствует король-Инка, долой короля Испании и его дурное правительство!»³⁵. Интендант армии и финансов Венесуэлы Хосе де Абалос доносил 23 августа того же года министру по делам Индий Гальвесу о том, что население этой страны «охвачено тем же духом неуважения к королю и Испании, что и все американцы»³⁶. По словам французов князя де Брольи и графа де Сегюра, участвовавших в североамериканской революции, а в 1782 г. побывавших в Венесуэле, в городке Ла Виктория местный интендант с интересом и сочувствием расспрашивал их о событиях в Северной Америке. Он дал понять путешественникам.

Асунсьоне, Саятъаго, Ситакуарская хунта (Новая Испания) и другие номинально неизменно выступали от имени короля Фердинанда VII, находившегося до марта 1814 г. во французском пленау.

³² B. L e w i n . La rebelión de Túpac Amaru..., t. II, p. 756—757.

³³ Подробнее см. С. А. Гонионский. Восстание комунерос в Новой Гранаде (1781 г.) — «Новая и новейшая история», 1971, № 4; его же. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973, стр. 72—86.

³⁴ С. А. Гонионский. Колумбия, стр. 85.

³⁵ I. Llévan o Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia. Bogotá, 1966, p. 470.

³⁶ B. L e w i n . La rebelión de Túpac Amaru.., t. II, p. 711.

что скотно содействовало бы тому, чтобы нечто подобное произошло и в Испанской Америке³⁷.

В Чили подъем революционного движения выразился в антииспанском заговоре, организованном французами Антонио Бернэ и Антонио Грамиуссэ, с которыми был связан богатый креол Хосе Антонио де Рокас. Заговорщики намеревались свергнуть испанское иго и создать независимую республику. «Грамиуссэ и Бернэ выбрали для восстания именно тот момент,— отмечает перуанский историк Даниэль Валькарセル,— когда Англия и Испания находились в состоянии войны, в надежде, что происшедшее в североамериканских колониях повторится в Чили»³⁸. Однако в начале 1781 г. «заговор трех Антонио» был раскрыт, а его организаторы схвачены и брошены в тюрьму.

В Новой Испании начало 80-х годов также ознаменовалось крупными антиколониальными выступлениями. В январе 1781 г. вспыхнуло восстание индейских крестьян, центром которого стало селение Исукар (100 км юго-восточнее столицы вице-королевства Мехико). Повстанцы не только отказались повиноваться властям и оказали вооруженное сопротивление правительенным войскам, но и демонстративно уничтожили висевший в помещении кабильдо портрет короля³⁹.

В отличие от более ранних народных восстаний, представлявших собой неорганизованные, изолированные и локальные выступления, освободительное движение начала 80-х годов развернулось в масштабе почти всей Испанской Америки и носило более целеустремленный характер. Одновременность революционных вспышек в различных колониях и отчетливо проявившееся стремление к свержению колониального ига в немалой степени объяснялись влиянием революции в Северной Америке.

Угроза проникновения революционных веяний в Испанскую Америку чрезвычайно тревожила правящие круги Испании с самого начала войны за независимость английских колоний. Еще в 1776 г. бывший председатель Кастильского совета, посол в Париже граф де Аранда в донесениях сотовал, что события в Северной Америке являются примером, который может найти отклик в заокеанских владениях Испании. Раньше или позже, писал он в 1782 г., там произойдет то же самое, что в североамериканских колониях. Глава мадридского правительства граф Флоридабланка 20 октября 1781 г. предостерегал короля, что, помогая народу, добивающемуся независимости, он подает плохой пример своим собственным подданным в Перу, Новой Гранаде и на Рио-де-ла-Плате⁴⁰.

Победа революции в Северной Америке явилась важным аргументом в пользу восстания против испанского господства, к которому призывал перуанский иезуит Хуан-Пабло Вискардо в известном «Письме к американским испанцам». Доказывая необходимость свергнуть иго Испании и добиться независимости, он ссылался и на вдохновляющий пример североамериканцев. «Отвага, проявленная английскими колониями Америки в борьбе за свободу, которую они ныне вкушают,— писал Вискардо,— покрывает позором нашу лень. Мы уступили им пальму первенства, которой они первыми в Новом Свете увенчали суверенитет и независимость... Их мужество является обвинением нашей бездеятельности. Да будет оно для нас отныне стимулом к завоеванию славы после трех столетий обид»⁴¹.

Этот документ увидел свет, правда, лишь в 1799 г., уже после смерти автора. Однако его первый набросок был сделан еще в письме Вискардо бри-

³⁷ H. Bernstein. Op. cit., p. 13—14.

³⁸ D. Valcásel. Op. cit., p. 143.

³⁹ См. Г. И. Иванов. Народные восстания в Мексике передвойной за независимость.— «Вопросы всеобщей истории». Ученые записки, т. 112 (Ивановский государственный педагогический институт им. Д. А. Фурманова). Иваново, 1973, стр. 60.

⁴⁰ B. Lewin. Los movimientos..., p. 45—46, 50, 55.

⁴¹ M. Batllori. El abate Viscardo. Caracas, 1953, p. LXXIX—LXXXI.

танскому консулу в Ливорно Джону Адни от 30 сентября 1781 г., а в окончательном виде «Письмо» было сформулировано между 1787 и 1791 гг.⁴²

Наглядной иллюстрацией влияния революционных событий в Северной Америке на освободительное движение в испанских колониях является ранняя деятельность выдающегося борца за независимость Испанской Америки Франсиско Миранды (1750—1816)⁴³.

Уроженец Каракаса, он по окончании университета покинул Венесуэлу и отправился в Испанию, где вскоре поступил на военную службу. После начала англо-испанской войны Миранда в чине капитана полка «Арагон», входившего в состав экспедиционного корпуса, переброшенного в Вест-Индию, прибыл в 1780 г. на Кубу. Здесь энергичный и образованный молодой офицер стал адъютантом губернатора острова маршала Каигаля. Сопровождая своего начальника, он отличился при осаде Пенсаколы и за проявленную доблесть был 20 июля 1781 г. произведен в подполковники. В августе Каигаль послал его на Ямайку для переговоров с британскими властями об обмене военнопленными. Заключив соответствующее соглашение, Миранда возвратился на Кубу, а в мае следующего года сражался против англичан на Багамских островах.

Участие в войне с Англией на стороне ее восставших колоний, частые встречи с североамериканскими патриотами оказали на впечатлительного венесуэльца большое влияние. Как он вспоминал впоследствии, именно во время флоридской и багамской кампаний, «в обстановке, когда дело свободы было предметом всеобщих усилий и энтузиазма», в его сознании впервые зародилась мысль об избавлении Испанской Америки от колониального ига⁴⁴. В этом намерении Миранду укрепила секретная переписка с патриотически настроенными соотечественниками. 24 февраля 1782 г. группа знатных креолов Каракаса обратилась к нему с письмом, в котором заявляла о необходимости свергнуть ненавистное господство Испании и просила его возглавить борьбу за независимость, выражая готовность выступить по первому же данному им сигналу. Однако Миранда считал преждевременным действовать, пока Соединенные Штаты не признаны как суверенное государство⁴⁵.

Взгляды Миранды и его связи с испаноамериканскими патриотами не остались незамеченными. Он был арестован по вымышленному обвинению в торговле контрабандными товарами и хотя вскоре освобожден, над ним опять нависла угроза тюрьмы. В конце 1782 г. сместили с поста губернатора его начальника и покровителя Каигаля. Тогда Миранда решил искать убежища в США. Этому способствовало также давнее желание получить на месте достоверную информацию о событиях в Северной Америке и лично ознакомиться с политическим строем и положением молодой республики.

Тем временем были уже подписаны прелиминарные мирные договоры между США и Англией (30 ноября 1782 г.), а также между последней, Францией и Испанией (20 января 1783 г.). 11 апреля 1783 г. Континентальный конгресс объявил о прекращении военных операций на суше и на море.

1 июня Миранда на борту североамериканского шлюпа покинул гаванский порт и 10 июня высадился в Нью-Берне (Северная Каролина). Он провел в США около полутора лет (до середины декабря 1784 г.). За это время венесуэлец побывал в Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне, Чарлстоне, Сейлеме, Ньюпорте и многих других городах, встречался с

⁴² Ibid., p. 45—48, 128—133, 204—211.

⁴³ См. И. Лавреккий. Миранда. М., 1965.

⁴⁴ W. S. Robertson. Hispanic-American Relations with the United States. New York, 1923, p. 61; N. García Samudio. La independencia de Hispanoamérica. México, 1945, p. 17.

⁴⁵ W. S. Robertson. The Life of Miranda, vol. I. Chapel Hill, 1929, p. 28—29, 32.

Джорджем Вашингтоном, Александром Гамильтоном, Самюэлем и Джозеем Адамсами, генералом Генри Ноксом, Робертом Ливингстоном, Томасом Пейном, Лафайетом, финансистом Робертом Моррисом, губернаторами штатов, мэрами крупных городов, видными правительственные чиновниками, военачальниками, дипломатами.

Миранда проявлял живой интерес к политической обстановке, экономическому положению, государственному устройству, общественной и культурной жизни Соединенных Штатов. Он знакомился с законодательством, деятельности предстательных органов, учебными заведениями, местными достопримечательностями. Многое ему импонировало. Так, в своем дневнике Миранда отмечал, что в североамериканском обществе царит республиканский дух, отсутствуют сословные предрассудки и барьера⁴⁶. Однако к некоторым институтам североамериканского государства он относится критически. В частности, беседуя с Самюэлем Адамсом относительно Массачусетской конституции 1780 г. (в составлении которой Адамс принимал активное участие), Миранда отметил имевшиеся в ней существенные противоречия: 1) объявляя основой общества принцип «добротели», она не предусматривала никаких мер, дабы обеспечить ее торжество, но зато устанавливала имущественный ценз и гарантировала право собственности; 2) провозглашая свободу совести и вероисповедания, конституция вместе с тем лишила возможности занимать государственные должности тех, кто не исповедовал христианскую религию⁴⁷. Неоднократно присутствуя на заседаниях законодательного собрания штата Массачусетс в Бостоне, Миранда, как он писал в своем дневнике, «имел возможность воочию убедиться в недостатках и неудобствах, присущих этой демократии»⁴⁸.

Отдавая должное полководческому таланту и военным успехам Вашингтона, Миранда не испытывал к нему особой личной симпатии. Более того: его исключительную популярность среди населения венесуэлец объяснял тем, будто слава Вашингтона несправедливо затмила действия многих выдающихся людей, благодаря достоинствам и дарованиям которых захвачена независимость. Описывая, как очевидец, торжественную церемонию встречи главнокомандующего в Филадельфии, он с некоторой ironией заметил, что жители города приветствовали своего кумира столь восторженно, «словно бы то был спаситель, вошедший в Иерусалим»⁴⁹.

Внимательнейшим образом Миранда изучал причины, события, принципы, документы североамериканской революции, ход военных действий 1775—1781 гг. Обо всем этом его широко информировали многие участники войны за независимость. В Филадельфии он посетил зал заседаний Континентального конгресса. Сильное впечатление произвело на него собрание портретов видных революционных деятелей, которое, с его точки зрения, не только представляло исторический интерес, но и способствовало патриотическому воспитанию молодежи⁵⁰. Миранда осмотрел места недавних боев при Бэнкер-Хилле, Саратоге, сохранившиеся укрепления и линии траншей; подробно расспрашивал генералов и офицеров об отдельных сражениях и боевых операциях. По утверждению Джона Адамса, «Миранда знал о каждой кампании, осаде, битве и стычке, происходивших на протяжении всей войны, больше, чем любой офицер нашей армии или государственный деятель»⁵¹.

Глубокий интерес венесуэльского патриота ко всему, связанному с революционной войной в Северной Америке, объяснялся стремлением использовать ее опыт для реализации его идеи освобождения испанских ко-

⁴⁶ «The Diary of Francisco de Miranda Tour of the United States, 1783—1784». New York, 1928, p. 22, 82—83, 129.

⁴⁷ Адамсу пришлось согласиться с этими замечаниями.— Ibid., p. 118.

⁴⁸ Ibid., p. 120.

⁴⁹ «The Diary of Francisco de Miranda Tour...», p. 39—40.

⁵⁰ Ibid., p. 29—30.

⁵¹ W. S. Robertson. The Life of Miranda, vol. I, p. 56.

лоний, которая именно во время пребывания в США приобрела более четкие очертания. Впоследствии Миранда утверждал, что беседовал по этому вопросу с Вашингтоном при их встречах в Филадельфии (декабрь 1783 г.)⁵². В следующем году, находясь в Нью-Йорке, он поделился своими соображениями по поводу ликвидации испанского владычества в Америке с Гамильтоном и генералом Ноксом⁵³. Есть основания полагать, что первый в принципе сочувственно отнесся к этому замыслу (хотя ничего определенного не обещал), а второй, видимо, принял даже участие в его конкретизации: проект, разработанный Мирандой совместно с Ноксом в октябре — ноябре 1784 г. в Бостоне, предусматривал набор в Новой Англии 5 тыс. волонтеров для отправки в Испанскую Америку и обеспечение их оружием и боеприпасами⁵⁴.

Не следует, впрочем, переоценивать результативность переговоров, которые Миранда вел в США. Дальше весьма туманных обещаний ни Гамильтон, ни Нокс, судя по всему, не пошли. К тому же оба они не занимали тогда официальных постов и выступали как частные лица. Правда, в то время, под свежим впечатлением недавней революции, сочувствие благородному делу освобождения угнетенных испаноамериканцев было в североамериканском обществе нередким явлением. В качестве еще одного примера этого можно привести беседу Джона Адамса (в 1783—1785 гг. представлявшего США во Франции) с находившимся в Париже последователем Руссо и Вольтера, другом энциклопедистов перуанцем Пабло де Олавиде. В ходе ее обсуждалась (чисто теоретически, конечно) возможность оборонительного и наступательного союза между Южной и Северной Америкой⁵⁵. Но позиция Гамильтона, Нокса, Адамса не отражала политики правительства США, которое не намерено было всерьез помогать испаноамериканским патриотам.

После окончания североамериканской войны за независимость прямые, непосредственные связи между США и колониями Испании сразу же резко сократились. Возобновление запрета испаноамериканским владениям торговать с иностранными государствами положило конец недолгой эре легальной или полулегальной торговли в данном регионе.

Особенно тяжелым ударом явился для такой торговли королевский указ 18 февраля 1784 г., категорически запрещавший ввоз на Кубу муки из Северной Америки. В том же месяце генерал-капитан Унсага потребовал выезда всех проживавших на острове граждан США. Североамериканские суда, подозревавшиеся в перевозке контрабандных товаров, задерживались местными властями и интернировались в кубинских портах. О. Поллок, назначенный 20 мая 1783 г. торговым агентом в Гаване вместо умершего Р. Смита, прибыл туда в конце года, с трудом добился разрешения на въезд. Но колониальная администрация отказалась признать его статус, во второй половине 1784 г. он был арестован и затем выслан⁵⁶.

В сложившейся обстановке торговля стала приходить в упадок. В 1783 г. из Филадельфии в Гавану отплыли 22 судна, а в обратном направ-

⁵² «The Diary of Francisco de Miranda Tour...», p. 40. Нет, однако, никаких доказательств того, что Вашингтон проявил какой-либо интерес к этому.— W. S. Robertson. *The Life of Miranda*, vol. I, p. 55.

⁵³ W. S. Robertson. *The Life of Miranda*, vol. I, p. 43.

⁵⁴ Ibid., p. 54—55; его же. *Francisco de Miranda and the Revolutionizing of Spanish America*.— «Annual Report of the American Historical Association for the Year 1907», vol. I. Washington, 1908, p. 251—252. В связи с приездом Миранды в Лондон (1 февраля 1785 г.) в британской прессе в 1785 г. указывалось, что пламя, вспыхнувшее в Северной Америке, перекинулось в американские владения Испании, причем, строя планы своего освобождения, испаноамериканцы (явно имелся в виду Миранда) берут за образец «пример Северной Америки».— J. Rydgold. *Foreign Interest in the Independence of New Spain*. Durham, 1935, p. 99.

⁵⁵ M. Defougeau. *Pablo de Olavide ou l'afrancesado* (1725—1803). Paris, 1959, p. 402—403, 430—431.

⁵⁶ H. Portell Vilá. Op. cit., p. 107—108, 110—112.

— 18, в 1786 же — соответственно 2 и 5⁵⁷. Объем товарооборота оставался незначительным, и если в карибские порты Испанской Америки североамериканские суда еще время от времени заходили, то к берегам Южной Америки почти никогда не приближались.

Поскольку США были весьма заинтересованы в проникновении на испаноамериканский рынок, их крайне раздражали запретительные меры испанских властей. Лучшим средством «открыть» Испанскую Америку для свободной торговли явилось бы изгнание оттуда испанцев. К тому же у США существовали серьезные разногласия с Испанией по вопросу о судоходстве по Миссисипи. С этой точки зрения, казалось бы, североамериканскому правительству было выгодно поддерживать любые антииспанские замыслы. Тем не менее оно не собиралось этого делать. В США еще помнили о помощи, оказанной им совсем недавно Испанией в войне с Англией. Против конфликта с мадридским правительством была и часть правящих кругов, занимавшая антианглийскую позицию и выступавшая за ориентацию на Францию — союзницу Испании. Главной же причиной осторожности идержанности, проявленных Соединенными Штатами в данном вопросе, являлась «политика дальнего прицела» — их собственные экспансионистские устремления, намерение присоединить в будущем испанские колонии.

Т. Джейферсон, будучи посланником в Париже, отмечал, что Испания слишком слаба, чтобы удержать свои обширные заморские владения⁵⁸. В письме Арчибалду Стюарту 25 января 1786 г. он рисовал перспективу их постепенного захвата Соединенными Штатами по мере роста численности населения США. А пока Джейферсон считал целесообразным не форсировать вытеснение испанцев с американского континента, во избежание того, чтобы их место не заняла какая-либо иная держава. Он отказался поддержать проект освобождения Новой Испании, представленный ему в 1787 г. одним мексиканцем, заявив, что, по его мнению, мексиканский народ еще не созрел для самостоятельного существования. Доказывая об этом предложении конгрессу, Джейферсон указывал, что дальнovidные люди должны желать, чтобы Испания еще долго сохраняла свои колонии в Америке. Видимо, с его точки зрения, США были заинтересованы в том, чтобы испанские колонии стали независимыми лишь тогда, когда этим сумеют воспользоваться сами североамериканцы, а не Англия⁵⁹.

Значение североамериканской революции для исторических судеб Испанской Америки общепризнано. Влияние «сногсшибательного примера Соединенных Штатов Северной Америки» на американские колонии Испании отмечал в 1827 г. колумбийский историк Х. М. Рестрепо⁶⁰. О том же пишет и подавляющее большинство современных авторов⁶¹. Формулируя эту мысль, Г. Аптекер указывает: «Американская революция оказала самое непосредственное воздействие на Испанскую Америку, послужив для нее вдохновляющим примером. Это воздействие было усилено тем фактом, что Испания, хотя она и не была союзницей американских повстанцев, находилась в состоянии войны с их врагом. Сама эта война поставила Испанию перед лицом тяжелых финансовых и политиче-

⁵⁷ Ibid., p. 107, 114; H. Bernstein. Op. cit., p. 36.

⁵⁸ В результате Версальского мирного договора, зафиксировавшего максимальные границы испанской колониальной экспансии в Америке, Испания, вернув Англии Багамские острова и Белиз, сохранила захваченную ею в ходе войны Западную Флориду и добилась уступки Восточной Флориды.

⁵⁹ J. Ryd j o g d. Op. cit., p. 99, 104.

⁶⁰ J. M. R e s t r e p o. Historia de la Revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. I. Bogotá, 1942, p. XLVII.

⁶¹ См., например, J. F r i e d e. Los germenes de la emancipación americana en el siglo XVI. Bogotá, 1960, p. 4—5; J. A. de la P u e n t e C a n d a m o. Notas sobre la causa de la independencia del Perú. Lima, 1964, p. 27; S. Z a v a l a. El mundo americano en la época colonial, t. I. México, 1967, p. 587; M. K a p l á n. Formación del Estado Nacional en América Latina. Santiago de Chile, 1969, p. 101.

ских проблем, что придало еще большую значимость революции для Южной Америки»⁶².

Некоторые историки склонны даже утверждать, что война за независимость английских колоний оказала на испаноамериканское освободительное движение большее влияние, нежели Великая французская революция XVIII в.⁶³ Хотя с таким утверждением в столь категоричной и общей форме вряд ли можно согласиться⁶⁴, следует напомнить о высказываниях отдельных представителей умеренного крыла борцов за независимость по этому поводу. Так, Ф. Миранда в конце 1796 г. писал: «У нас перед глазами два великих примера: американская и французская революции. Мы благоразумно подражаем первой и осторожно избегаем последствий второй»⁶⁵. Уже по окончании освободительной войны в 1826 г. С. Боливар вспоминал: «Соединенные Штаты, детище Англии, первыми указали нам путь к независимости»⁶⁶.

В Испанскую Америку идеи североамериканской революции проникали в результате распространения там текстов ее важнейших документов, речей, возваний и сочинений Вашингтона, Джейфферсона, Франклина, Адамсов, Гамильтона, Пейна и других деятелей, а также личных контактов. Положения Декларации независимости, «Статей конфедерации», конституции США оказали в дальнейшем определенное влияние на декларации и конституции, появившиеся в ходе освободительной войны первой четверти XIX в. на Рио-де-ла-Плате, в Венесуэле, Новой Гранаде, Чили, Новой Испании. Борьба английских колоний за независимость явилась одним из существенных внешних факторов, способствовавших подъему революционного движения в Испанской Америке начала прошлого столетия.

⁶² Г. Аптеkeр. Указ. соч., стр. 241—242.

⁶³ См. N. García Samudio. Op. cit., p. 58—59; E. de Gандía. La revisión de la historia argentina. Buenos Aires, 1952, p. 28; R. Koneckze. Die Revolution und die Unabhängigkeitskämpfe in Lateinamerika.—«Historia Mundi», Bd. IX. Bern, 1960, S. 378; E. Córdova-Bello. Independencia de las colonias anglo-americanas, causas.—«Revista de historia». Caracas, № 4, octubre de 1960, p. 86; J. Lynch. The Spanish American Revolutions 1808—1826. London, 1973, p. 28—29.

⁶⁴ Радикальному течению в лагере испаноамериканских патриотов, возглавляемому такими руководителями, как Мариано Морено, были несомненно ближе идеалы и принципы Французской революции, а якобинцы представлялись символом революционной стойкости и непримиримости.

⁶⁵ Цит. по: E. Córdova-Bello. Op. cit., p. 86.

⁶⁶ Цит. по: N. García Samudio. Op. cit., p. 9.